

В Ростове-на-Дону в 60-е годы XX века жил гениальный поэт.
Он писал:

*Костёр жесток к дровам,
но всё же как права,
необходима как жестокость эта!
Они горят — на то они дрова.
И мы горим — на то мы и поэты.*

Так писал Борис Габрилович, когда ему было около 18 лет. Но огонь, которым он горел, похож не на пламя костра, а на яркий след метеора, который пронёсся в шестидесятые годы в небе полусонной поэзии Ростова-на-Дону.

Арон, отец поэта, был с юности другом моей мамы, и я помню Борьку, когда он был ещё школьником, задумчивым увальнем с удивительными глазами. Тогда он уже писал стихи, издавал со своим одноклассником Сашей Шахмейстером самодельный журнал «Синтез современности» и думал о разных вещах, таких, которые явно не приходили в голову его одноклассникам.

В 60-е годы Саша, ставший моим студентом, привёл его к нам в Межфакультетскую группу биофизиков, организованную мной по просьбе замечательного учёного Александра Борисовича Когана, именем которого сегодня в Ростове-на-Дону назван Институт нейрокибернетики. Для будущего института нужны были кадры, и в этой группе учились по специальному разрешению ректора студенты физического, биологического и даже математического факультетов. В небольшой комнате, в лаборатории № 153 на физическом факультете царил удивительная атмосфера — здесь не только велась экспериментальная работа по исследованию нервной клетки, но и звучали стихи, ставились пьесы,

велись диспуты на разные темы, вызывавшие недоумение и интерес у парткома, профкома, комитета комсомола и иных организаций. В гости приходили философы и филологи. Самым ярким из них был, вне всякого сомнения, Борис Габрилович, после поступления на филологический факультет сразу же признанный поэтами факультета как очевидный лидер.

С ним мы тогда написали поэму «Надсолнух подсознания». Это имя стала носить и уникальная стенгазета, выполненная в виде круга с лепестками, на которых были стихи, рисунки, эссе на разные темы. Четвёртая глава в поэме называлась «Баллада утренних сумерек». О ней сегодня в Интернете пишут как об отдельном стихотворении¹, правда, отмечая, что это «один из самых известных текстов Габриловича», «реквием по молодому советскому поколению конца 1960-х». Это неудивительно — поэма «Надсолнух подсознания» никогда не издавалась — она существует лишь в рукописи. Ошибка бытует и в отношении стихотворения «Шестидесятые» (оно вообще-то моё, и было опубликовано в настенном «Надсолнухе»).

С Борей мы написали ещё стихотворение «Мусоропровод» и «авангардную поэму» (хотя я и не уверен, что эту вещь можно так квалифицировать, поскольку она — отнюдь не просто поэма) «АСУ НОЧИ ВСЕГО». Она была создана незадолго до гибели Бориса. Мы спиной ощущали липкий интерес к нашим занятиям со стороны заинтересованных органов и договорились скрыть эту вещь от людей до нового тысячелетия, когда, вероятно, можно будет дышать свободнее. Так и поступили. Я был уверен, что честь явить «АСУ» миру будет предоставлена Боре — я на 10 лет старше его — но вышло по-иному. Тем не менее уговор был исполнен. Летом 2000 года во дворе дома моей дочери собрались чудом явившиеся из 60-х друзья, и поэма была зачитана, а позже — издана в Москве в альманахе «Лира».

Начальство и общественные организации факультета относились к поэзии Бориса настороженно. С одной стороны, отрицать её талантливость было невозможно. А с другой — как можно допустить, чтобы советский студент, живущий в самой счастливой стране, писал такие стихи:

Что-то режет глаза...

Тяжело голове...

---

¹ URL: <https://coollib.net/b/323932/read>

Боль в сердце — непостижимая...

Перережу

колючую проволоку вен

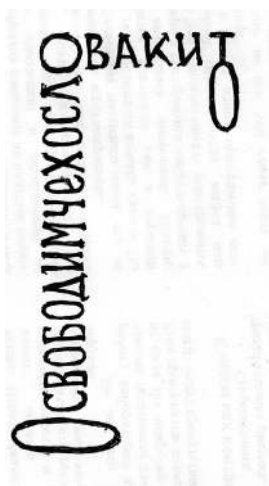
и сбегу

из концлагеря жизни!

Подражая Андрею Вознесенскому (которым он восхищался не меньше, чем Маяковским), Боря создавал «изопы» — «стихорисунки», в которых присутствует игра с буквами, когда поэтические строки являются в то же время картинкой с соответствующим смыслом. Например, такой:

	С		С													
	в		в													
	о		о													
	б		б													
	о		о													
	д		д													
	а		а													
С	в	о	б	о	д	а	С	л	о	в	а	в	С	С	С	Р
							л	о	в	а			л	о	в	а
							о	в	а				о	в	а	
							в						в			
С	в	о	б	о	д	а	С	л	о	в	а	в	С	С	С	Р
							С						С			
							С						С			
							Р						Р			

Особенно сложно стало после того, как в 1968 году, после ввода наших танков в Чехословакию, Боря нарисовал такой «изоп»:

Сегодня многие пишут стихи. «Но, боже, как их замолчать заставить!», — хочется иногда воскликнуть вслед за великой поэтессой. А стихи Бориса, по мере того, как он уходит от нас во времени, становятся всё более прекрасными. Конгениальная первой поэтесса писала: «Моим стихам, как драгоценным винам, / Настанет свой черёд».

Стихи Бориса врезаются в память — скажу, пользуясь его метафорой, — «как окровавленные бритвы». В них главное — мысль, пронизанная чувством, а форма, к которой Борис всегда относился с пиететом, особенно к рифме, — это рабочий инструмент мысли и чувства.

*Стихи слагаются о боли,
и больше нет на свете тем,
всё остальное — лишь обои,
которые сорвут со стен.*

Иногда кажется, что он пренебрегает знаками препинания. Но вот что писал сам Боря по поводу своих переводов Джона Леннона и Пола Маккартни: «У Леннона — Маккартни знаки препинания убраны лишь из некоторых стихов. Я позволил себе вообще проигнорировать их, чтобы шалым ногам поэтических ассоциаций не грозила опасность пораниться о глупые ненужные колючки точек и запятых».

Потрясает глубина стихов (особенно если учесть, что их писал 19-летний мальчик) «О, дай мне не сфальшивить, Боже!», «И вдруг в природе каждый атом...», «а если до утра не спалты...», «Александрю Грину». Боря увлекался «битлами», переводил как тексты отдельных песен, так и целиком альбом «Клуб одиноких сердец сержанта Пеппера»; написал киносценарий «Ковыляя, кот идёт», достойный такого режиссёра, как, скажем, Пётр Тодоровский... Не опубликованы и тексты Бориса к пьесе «Как зарезали профессора», написанной вместе с Георгием Тимофеенко. Смею думать, что тексты, чеканные по форме и насыщенные смыслом, такие как, например, «Монолог шизофреника», не утратили значения и сегодня, более чем через полвека.

1 сентября 1970 года Борис, как пишут в Интернете, «выпал из окна четвёртого этажа во время вечеринки, состоявшейся на квартире студента мехмата Леонида Блехера». О причинах го-

ворили разные глупости, вроде того, что «он встал на окно, чтобы подышать, а рама была плохо прибита». Сошлось многое — крушение «любовной лодки», ощущение невыносимости жизни в атмосфере, пронизанной злыми излучениями «наблюдателей», понимание невозможности остаться собой и ненужности (как ему казалось) стихов: «Попрощаемся, поэзия, — / Дальше нам не по пути. / Не могу идти по лезвию, / А под ним — боюсь идти», «Щёлкнет скворец-затвор / И конвоир спокойный / Скажет: “Поэт какой-то / Против порядка пёр”», «и я когда-нибудь упаду / в высоту / падает / птица / как».

На похороны Бориса 6 сентября на Братское кладбище пришло много людей. Пришедшие хотели нести гроб на руках от института до кладбища, что, естественно, вызвало негативную реакцию служб университета — парткома, профкома, деканата, очевидно, уже получивших грозные звонки из спецслужб. Но те, кто там был, помнят этот день.

Стихи Бориса в машинописном самиздатском варианте издавали его друзья (Алексей Прийма, Леонид Струков), но только в 1994 году друг Бориса Георгий Булатов, создатель первого в Ростове частного издательства, выпустил сборник «Опереди волну». В 2013 году вышла книга «Птица падает в высоту». Стихи Бориса Габриловича можно найти в Интернете. Но издано пока ещё очень мало. Сегодня, в 2010-е годы, литературоведы начинают присматриваться к творчеству Бориса Габриловича. И, может быть, сбудется, то, о чём он мечтал:

*дойти до вас, как кровь по венам,
как боль по лезвию ножа,
когда в меня не станут верить,
когда меня устанут ждать.*

Первая публикация статьи — в Международном альманахе литературы и искусства «Среда», № 2 (5), 2016.